

М.В. Ленчиненко*

**ДЕКАБРИСТ ДО ДЕКАБРЯ:
КНИГИ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА**doi:10.31518/2618-9100-2025-6-2
УДК 930.2

Выходные данные для цитирования:
Ленчиненко М.В. Декабрист до декабря: книги Никиты Муравьева // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 35–48.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-02.pdf>

M.V. Lenchenenko*

**DECEMBRIST UNTIL DECEMBER:
BOOKS BY NIKITA MURAVYOV**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-2

How to cite:
Lenchenenko M.V. Decembrist until December: Books by Nikita Muravyov // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 35–48.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-02.pdf>]

Abstract. The article presents selected results of a study of the library of the Decembrist Nikita Mikhailovich Muravyov, which is stored in the collection of the Scientific Library of Moscow State University as a gift from his mother, Ekaterina Fedorovna Muravyova. It contains books dating back to 1825. This collection is interesting not only for its contents but also for the traces of reading left by their owner. His numerous marginalia allow us to supplement our understanding of the development of the political views of the future Decembrist. The library's contents demonstrate the diversity of its owner's interests and the level of his education, which he owed largely to his father, Mikhail Nikitich Muravyov. He instilled in him a love for classical languages, literature, and history. Studying at Moscow University in the Physics and Mathematics Department of the Philosophy Faculty played a role in Muravyov's development as a professional military man, as evidenced not only by books on military literature but also by maps with his notes. His special attitude towards history was manifested in his interest in its methodology, which he drew from the works of Thucydides and Mably. Thanks to his reading of historical literature, it becomes clear that Muravyov paid attention not only to N.M. Karamzin's "History of the Russian State", but also to history in general, which he perceived as the accumulated experience of humanity. His notes show how military affairs and history were intertwined in his work, resulting in the preparation of the "Course of Lectures on the Strategy and Tactics of Military Art".

Keywords: the Decembrist movement, Decembrist libraries, N.M. Muravyov, worldview, reading circle, socio-political views.

*The article has been received by the editor on 10.11.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты изучения библиотеки декабриста Никиты Михайловича Муравьева, которая хранится в фондах Научной библиотеки МГУ как дар его матери Екатерины Федоровны Муравьевой. В ней собраны книги до 1825 г. включительно. Этот комплекс интересен не только своим составом, но и теми следами чтения, которые оставил их владелец. Его многочисленные маргиналии позволяют дополнить наши представления о становлении политических взглядов и мировоззрения будущего декабриста. Состав библиотеки показывает, насколько

* **Марина Владиславовна Ленчиненко**, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: lenchmar@rambler.ru

Marina Vladislavovna Lenchenenko, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: lenchmar@rambler.ru

разнообразны были интересы их владельца, уровень его образованности, которым он во многом обязан своему отцу Михаилу Никитичу Муравьеву, привившему сыну любовь к классическим языкам, литературе, истории. Учеба в Московском университете на физико-математическом отделении философского факультета сыграла свою роль в становлении Муравьева как профессионального военного, о чем говорят не только книги по военной литературе, но и карты с его пометами. Особое отношение к истории проявилось в интересе Н.М. Муравьева к ее методологии, которую он почерпнул в трудах Фукидида и Мабли. Благодаря его чтению исторической литературы становится понятным внимание Муравьева не только к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, но и к истории вообще, которая воспринималась декабристом как накопленный опыт человечества. Его пометы показывают, как переплелись в его деятельности военное дело и история, в результате чего был подготовлен «Курс лекций по стратегии и тактике военного искусства».

Ключевые слова: движение декабристов, библиотеки декабристов, Н.М. Муравьев, мировоззрение, круг чтения, общественно-политические взгляды.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025 г.

Научная библиотека Московского университета с 1844 г. хранит книги семьи Муравьевых. Это был дар Екатерины Федоровны Муравьевой (1771–1848), матери декабриста¹. Ей хотелось сохранить память о муже – Михаиле Никитиче Муравьеве (1757–1807) как о первом попечителе Московского университета (с 1803 по 1807 г.). Среди подаренных книг большая часть принадлежала Никите. И тем не менее университет книги принимает, а на дарственном экслибрисе указываются инициалы не только отца, но и сына. Упоминание имени Никиты Муравьева акцентирует внимание на то, как университет в лице его тогдашнего попечителя С.Г. Строганова (с 1835 по 1848 г.) отнесся к опальному, правда уже почившему, но государственному преступнику. Помимо упоминания его имени на экслибрисе, многие книги сохранили владельческую надпись Никиты Муравьева. Несмотря на то, что в составе подаренных книг университетские цензоры обнаружили издания, запрещенные в то время для публики², имя владельца не вымарывалось.

Работая с данным комплексом книг, нужно иметь в виду, что он отобран самым близким человеком и, следовательно, содержит только часть книг, некогда принадлежавших декабристу. Экземпляры книг, на которых Никита делал черновые наброски к проекту Конституции, остались в доме Муравьевых³. Путем отбора библиотеке была придана некоторая «благонамеренность», но и в нашем собрании оказалось немало книг с пометами будущего декабриста.

Названием своей статьи мы хотели подчеркнуть еще один важный признак данного собрания. 1825 год как бы подвел черту: отданы были издания, вышедшие до этого года включительно, кроме двух книг. Одна из них 1837 г. «Историческое рассуждение о постах православной, восточной католической церкви», другая – о женском здоровье: Heimann H. Avis aux dames ou... (М., 1826). Заметим также, что переданные книги не покидали столицу, хотя в свое время была попытка обосновать их пребывание в Сибири. Доказательством служила карандашная запись в томике Парни. В тексте «Élégie I» из четвертой книги «Poésies érotiques» по внутреннему полю отчеркнуты строки:

¹ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1844 – академический и 1845 гражданский годы. М., 1846. С. 33.

² Библиотека Императорского Московского университета с самого начала своего существования, а именно с 1755 г., считалась также и публичной библиотекой.

³ Многие из этих книг попадают в 1929 г. в РГБ. См.: *Алехина Л.А.* Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // ГБЛ. Записки Отдела рукописей. М., 1990. Т. 49. С. 8.

Qu'il est facile d'abuser
L'amant qui s'abuse lui-même!⁴

Рядом записан фактически дословный русский перевод, но в поэтической форме, так хорошо знакомой всем по последним строкам «Признания» А.С. Пушкина:

Ах, обмануть меня нетрудно,
Я сам обманываться рад.

Посчитав, что эта запись принадлежит самому Никите Муравьеву, Э.И. Лесохина решила, что пушкинские строки являются неоспоримым доказательством того, что часть книг и конкретно эти томики Парни находились вместе с осужденным в ссылке, а потом вернулись в Москву и были подарены университету⁵. Логика рассуждений выглядела вполне убедительно: пушкинское «Признание» датируется 1826 г., хотя в комментариях допускается временной интервал с конца 1824 до августа 1826 г.⁶, исследовательница берет во внимание только 1826 г. В 1826 г. Никита Муравьев отбывал сначала заключение в Петропавловской крепости, потом каторгу, и потому не мог знать о новом сочинении Пушкина, существовавшем пока только в рукописном виде. Напечатано оно было после смерти поэта, в мае 1837 г.⁷, значит запись появилась несколько позднее этого времени, т.е. тогда, когда Никита Муравьев был на каторге.

Однако автор статьи не обратила внимание на то, что запись передана в современной орфографии, без буквы «Ъ» (ер), и на самих томах нет характерной цензорской записи генерал-майора Станислава Лепарского, коменданта Нерчинских рудников: «*Видалъ Лепарскій*» или «*Читалъ Лепарскій*», в чьи обязанности входило просматривать все книги, принадлежащие осужденным. Добавим, что и на остальных книгах Муравьевых, которые сейчас хранятся в фондах Научной библиотеки МГУ, подобных записей не обнаружено. И, наконец, полностью была проигнорирована принадлежность томов Парни поэту К.Н. Батюшкову, дальнему родственнику отца декабриста, который подолгу жил в доме Муравьевых: на корешках томов сохранился его суперэкслибрис в виде латинских инициалов «С.В.», на форзацах его автографы. Но имя Батюшкова в статье даже не упоминается. Автор статьи также не попыталась представить себе состояние самого Никиты Муравьева, который в это время переживал трагедию: в 1832 году умерла приехавшая к нему в ссылку жена, 28-летняя Александрина (в девичестве Чернышева). С этого времени до 1839 года он занят возведением часовни над ее могилой. Трудно представить его, овдовевшего каторжанина, у которого подрастает маленькая дочь, читающим эротическую лирику Парни и отслеживающим параллели с любовным посланием другого поэта.

И тем не менее ошибка исследовательницы демонстрирует главную проблему в работе с владельческими собраниями в нашей библиотеке. Увы, за время пребывания в стенах университета они прирастают новыми пометами, и отделить их от записей предыдущих владельцев получается далеко не всегда. Не исключено, что и мы можем оказаться в ситуации автора статьи «В библиотеке декабриста».

Книги Никиты Муравьева привлекали внимание исследователей начиная с Н.М. Дружинина⁸. Он проследил связи между чтением Муравьева и становлением его взглядов. Опираясь на переписку Муравьева и гипотетически представляя, каков мог быть состав библиотеки будущего декабриста, Дружинин выбирает по университетскому каталогу книги

⁴ Parny, Évariste de. Oeuvres d'Évariste Parny. Т. 1. Paris, 1808. С. 85. Как легко обмануть / Влюбленного, который обманывает самого себя (фр.).

⁵ Лесохина Э.И. В библиотеке декабриста Никиты Муравьева // Книга: Исследования и материалы. М., 1969. Сб. 18. С. 212–213.

⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М., 1995. Т. 3, кн. 2. С. 1129.

⁷ Библиотека для чтения. 1837. Т. XXII. Май. Отд. I. С. 6. В журнале стихотворение А.С. Пушкина ошибочно (скорее всего, опечатка) датировано 1821 годом.

⁸ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. Хранители библиотеки начали изучать пометы Муравьева, но выборочно, см.: Верецагина Е.И. Маргиналии и другие пометы декабриста Н.М. Муравьева на «Письмах русского путешественника» в девяти томном издании «Сочинений...» Карамзина 1814 года // Из коллекций редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 48–71.

и благодаря дарственному экслибрису составляет небольшой список книг Никиты Муравьева, который публикует в своем исследовании в качестве приложения. Дружинину пришлось выбирать муравьевские книги из общего фонда университетской библиотеки, хотя С.Г. Строганов в благодарственном письме Е.Ф. Муравьевой обещал хранить их отдельно именно как «муравьевские»⁹. То, что не удалось Строганову, удалось сделать много позднее благодаря замечательной работе советского историка. Очевидно, после выхода его книги библиотека занялась извлечением муравьевских книг из общего фонда, о чем свидетельствуют старые инвентари. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала эту работу. Закончить ее удалось только в 1953 году, но и до сегодняшнего дня продолжается выявление книг Муравьевых из общего фонда. Мы почти приближаемся к тому количеству томов, а их насчитывалось чуть больше 4 000, которое было подарено, но все собрать не удастся, поскольку некоторые книги были переданы во вновь открывшийся Новороссийский университет (теперь Одесский) в 1865 г., часть оказалась разбросанной по другим московским хранилищам.

И все же собранные книги дают немало материала для понимания столь ярких фигур, какими были отец и сын Муравьевы. Их книги позволяют проследить, как менялись читательские интересы русского дворянства от екатерининского «золотого века» к «дням александровых прекрасному началу»¹⁰. В данной статье мы добавим несколько штрихов к тем наблюдениям, которые уже были сделаны Н.М. Дружининым. Он выявлял книги, а свою задачу мы видим в снятии всех помет, которые оставил Никита Муравьев на страницах своих книг.

В работе над Конституцией Муравьев, как известно, обращался к текстам основного закона как европейских стран, так и Северо-Американских Штатов. Это отмечали его единомышленники, позднее сравнительным анализом занимались историки. В библиотеке на данный момент отсутствуют издания с текстом американской конституции, но сохранились книги, где описывалось положение европейских колоний на американском континенте. Особо выделяется интерес Муравьева к революции в Сан-Доминго и тому, как эти события осмыслились в самой метрополии¹¹. Помимо этого, он интересуется положением на Антильских островах и конкретно на Ямайке¹². Он приобретает записки бывшего императора Мексики Августина де Итурбиде, чья книга попала под запрет в 40-е гг. XIX в., судя по библиотечной отметке «Запр[ещено] д[ля] п[ользования]»¹³. Вполне естественно для Муравьева, размышляющего о свободе человека, приобретение сочинений испанского гуманиста Бартоломео де лас Касаса, защитника свободы коренных народов Америки, который считается первым в истории обличителем расизма и колониализма¹⁴. Борьба же самой Америки за независимость представлена сочинением бывшего разведчика и участника войн Генри Брэкенриджа¹⁵.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1153 (Муравьевы). Д. 15. Л. 1.

¹⁰ Мы попытались проследить эти изменения на чтении богословской литературы, см.: *Ленчиненко М.В. Libri theologici в библиотеке Муравьевых: к характеристике богословских интересов русского дворянства // Территория: журнал исторических исследований. 2025. Т. 1, № 2. С. 232–275.*

¹¹ *Dalmas Antoine. Histoire de la révolution de Saint-Domingue, depuis le commencement des troubles; suivie d'un mémoire sur le rétablissement de cette colonie. Paris, 1814. Т. 1–2; Métral Antoine. Histoire de l'insurrection des esclaves dans le nord de Saint-Domingue. Paris, 1818; Malo Charles. Histoire de l'île de Saint-Domingue depuis sa découverte jusqu'à ce jour, suivie de pièces justificatives. Paris, 1819.*

¹² *Boer-Peyreleau Eugène Édouard. Les Antilles françaises, particulièrement la Guadeloupe, depuis leur découverte jusqu'au 1er Janvier 1823. Paris, 1823. Т. 1–3; Drouin de Bercy. Histoire civile et commerciale de la Jamaïque; suivie du tableau général des possessions Anglaises et Françaises etc. Paris, 1818.*

¹³ *Iturbide Agustín de. Mémoires autographes de Don Augustin Iturbide, Ex-Empereur du Mexique; contenant le Détail des principaux événements de sa vie publique, avec une préface et des pièces justificatives. Paris, 1824.*

¹⁴ *Casas Bartolomé de las. Oeuvres de Don Barthélemy de las Casas, évêque de Chiapa, défenseur de la liberté des naturels de l'Amérique; précédées de sa vie, et accompagnées de notes historiques, additions, développemens, etc. Paris, 1822. Т. 1–2.*

¹⁵ *Brackenridge Henry Marie. Histoire de la guerre entre les États-Unis d'Amérique et l'Angleterre, pendant les années 1812, 13, 14 et 15. Par M. Brackenridge, Henry, citoyen américain. Paris, 1820. Т. 1–2.*

Определенный интерес у Муравьева вызывала книга военного хирурга континентальной армии Дэвида Рэмси по истории американской революции¹⁶. Приведем лишь некоторые отмеченные им места. Судя по пометам, он увидел сходство в природных условиях американских колоний по отношению к английской метрополии и сибирских просторов Российской империи к ее европейскому центру. Протяженность пространства и времени, как писал автор, обуславливала ослабление власти метрополии, что благоприятствовало духу свободы и независимости, позволяла Штатам сохранять верность республиканским идеалам¹⁷. Возможно, подобные географические наблюдения подпитывали близкую Муравьеву идею федерализма как будущего устройства Российской империи.

Муравьев отметил и религиозный момент, связанный с протестантизмом, поскольку колонисты были в основном протестантами, а сам протестантизм основан на требовании естественной свободы и права личного суждения: «The religion of the colonists also nurtured a love for liberty. They were chiefly protestants, and all protestantism is founded on a strong claim to natural liberty, and the right of private judgement...»¹⁸. В этой связи Муравьев вполне мог иметь в виду наших старообрядцев, в значительном количестве нашедших свое убежище в Сибири. По крайней мере об их праве на вероисповедание читаем в 98-й статье его проекта Конституции¹⁹. В тексте также отчеркнуты места, где описывались отношения колонистов с туземным населением: умение вести переговоры, заключать мирные соглашения и т.п.

Сочинения одного из отцов-основателей США Бенджамина Франклина²⁰, по всей видимости, Муравьеву были особенно близки. В одном из писем матери он пишет о своем брате: «Я бы весьма желал, чтоб Саша прислал мне свой перевод Франклина, и чтоб я мог его поправить...»²¹. В книге много отмеченных фрагментов, но более всего их в «Ответе» генералу английской армии Гове (Гоу). Франклин пишет о причинах войны за независимость британских колоний: «...не допустить Американскую торговлю перейти к иностранным. – Мне кажется, что ни получение, ни сохранение торговли, при всей ее выгоде, не стоит того, чтобы люди проливали кровь других людей»²². О глубинных причинах Франклин пишет в другом месте, а Муравьев отмечает: «Необузданная ее (английской нации. – М. Л.) страсть быть воинствующим народом и распространять свои завоевания, честолюбие, беспокойное желание начальствовать, ненасытимость собирать богатства новыми налогами, суть такие причины, которые хотя не оправдывают ее в том, что она напала на нас, но вообще скрывают от ее глаз все настоящие ее выгоды и побуждают непрестанно предпринимать сии дальние, разорительные походы, которые стоят ей столько людей и денег, и которые наконец столько же будут для ней пагубны, сколько были пагубны для большей части Европейских наций Крестовые походы»²³.

Но Муравьеву были интересны самые разные вопросы, коих касался ученый-эрудит Франклин: смерть, сны, леность, роскошь, трудолюбие, распределение богатств в обществе, отношение к «диким» народам, а «дикими называем.., потому что нравы их различествуют от наших, и что свои почитаем совершенством учтивости; но они равным образом думают о наших нравах», и, наконец, анекдот, но анекдот о свободе человеческого выбора: «...он (апостол Петр. – М. Л.) спросил меня, какой я держался религии. Ах! отвечал я ему, я бедный Жак Мантресор, к несчастью, не имел никакой религии. – Это худо, сказал св. Петр. Не знаю, где поместить тебя; однако ж войди и займи место, где сыщешь»²⁴.

¹⁶ Ramsay David. The history of the American Revolution. London, 1791. Vol. 1–2.

¹⁷ Ibid. Vol. 1. P. 29.

¹⁸ Ibid. Религия колонистов также питала любовь к свободе. Они были преимущественно протестантами, а весь протестантизм основан на твердом утверждении естественной свободы и права на частное суждение... (англ.).

¹⁹ Конституция Никиты Муравьева, сохранившаяся в бумагах И.И. Пущина. Ст. 98 // Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 334–335.

²⁰ Франклин Б. Собрание разных сочинений Вениамина Франклина. М., 1803.

²¹ Письмо от 30 декабря 1821 г. // Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813–1826. М., 2001. С. 167.

²² Франклин Б. Собрание разных сочинений... С. 116.

²³ Там же. С. 114.

²⁴ Там же. С. 86.

Издание текстов Франклина, чтение их показывают, какие серьезные изменения произошли в русском обществе со времен Екатерины II. В статье о Радищеве 1836 г. А.С. Пушкин писал: «Екатерина сказала Храповицкому: “Он мартинист, он хуже Пугачева. Он хвалит Франклина”. Слово глубоко замечательное. Монархиня, стремившаяся к соединению воедино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии»²⁵. Но ко времени, когда Муравьев увлекался чтением Франклина, США уже признаны, а будущие декабристы думали об использовании опыта государственного строительства этой страны. Неизменным осталась только связка: революция – США.

Судя по книгам, еще одна страна, которая могла казаться Муравьеву близкой России по развивающимся процессам, – это Испания. Сходным было сопротивление войскам Наполеона, когда воевали не только армии, но и народ. Сходным было понимание необходимости радикальных изменений в управлении государством. Но если в Испании на фоне всеобщей борьбы за независимость страны произошло свержение королевской власти брата Наполеона и стало возможным требовать конституционных ограничений для будущей династии, то Россия только жила такими ощущениями.

Принятая Кадисскими кортесами Конституция 1812 г. также изучалась Муравьевым. В статье Т.А. Алексеевой дается подробное сравнение Кадисской конституции и Конституции Никиты Муравьева²⁶. Первым из исследователей, кто обратил внимание на параллели в испанской конституции и проектах Муравьева, был В.И. Семевский, который расшифровал помету «И.К.» как «Испанская Конституция»²⁷. Помета эта, судя по всему, принадлежала С.П. Трубецкому, поскольку обнаружена была на списке Конституции Муравьева, хранившемся в его бумагах. Речь идет о первой статье, которая гласит: «Русский Народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого Семейства». В действительности помета Трубецкого не сводится только к сокращению, она длиннее и категоричнее: «Из И[спанской] К[онституции] NB не должно быть и предположения принадлежности»²⁸. Отмечая и далее следы обращения к испанской конституции, В.И. Семевский полагал, что Муравьев имел дело с 6-томным изданием «Collection des Constitutions», где 5-й том был посвящен, в том числе, Испании (Paris, 1823). Но на данный момент этих томов в муравьевском собрании нет²⁹.

Среди его книг обнаруживаем другой вариант издания испанской Конституции. Он прилагается к исследованию Иеремии Бентама, чьим поклонником был Муравьев и за методичное чтение книг которого пеняли Муравьеву за медлительность в работе над проектом Конституции: «Essais de Jérémie Bentham, sur la situation politique de l’Espagne, sur la constitution et sur le nouveau code espagnol, sur la constitution du Portugal, etc., etc.» (Paris, 1823). В книге пометы отсутствуют. Среди других изданий, посвященных Испании, в библиотеке Муравьевых имеется запрещенное в свое время университетской цензурой исследование испанского юриста, историка и богослова Франциско Мартинеса Марины о кортесах и конституции Испании³⁰, сочинение английского историка Джона Бигленда³¹. Единственное издание, сохранившее помету Никиты Муравьева, – это книга Хуана Эскоикиса, испанского богослова и политика, «Exposé des motifs qui ont engagé en 1808,

²⁵ Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М., 1949. Т. 12. С. 33.

²⁶ Алексеева Т.А. Испанская конституция 1812 года и декабристы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 3. С. 88–101.

²⁷ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 452.

²⁸ Конституция Никиты Муравьева, сохранившаяся в бумагах С.П. Трубецкого. Ст. 1... С. 304.

²⁹ Любопытно, но данное парижское издание в прекрасных переплетах имеется в другой личной библиотеке – генерала А.П. Ермолова, которая также хранится в фондах Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

³⁰ Marina Francisco Martinez. Théorie des cortès, ou histoire des grandes assemblées nationales des royaumes de Castille et de Léon, 2: depuis l’origine de la monarchie espagnole jusqu’à nos jours, avec quelques observations sur la constitution actuelle de l’Espagne. Trad. de l’espagnol par P.F.L. Fleury. Paris, 1822. Т. 1–2. На обоих томах надпись: «Запр. д.п.» («Запрещено для публики»).

³¹ Bigland John. The history of Spain, from the earliest period to the close of the year 1809. London, 1810. Vol. 1–2.

S.M.C. Ferdinand VII, à se rendre à Bayonne» (Paris, 1816). В тексте нет помет, но на тонкой типографской обложке Муравьев пером вывел имя автора: *Escoiquiz*.

Мы не можем обойти вниманием данную короткую запись, поскольку с именем этого человека, настоящего интригана, связан династический так называемый «эскориальский» заговор 1807 г. Заговор внутри королевской семьи, заговор сына, Фердинанда VII, против отца, короля Карла IV, – тема актуальная для будущих декабристов. Книга Эскоикиса дает не просто описание событий. Он публикует документы, в том числе и свой диалог с Наполеоном, к которому обратились как к третейскому судье Фердинанд VII и Карл IV³²: «Conférences qui ont eu lieu a Bayonne, dans le moi de mai 1808, entre Napoleon I et les commissaires du roi d’Espagne Ferdinand VII, particulièrement avec le conseiller d’état D. Juan Escoiquiz»³³. Думается, что Муравьеву был особенно интересен этот приложенный отчет, поскольку фигура Наполеона не могла не привлекать его внимания, как привлекала она многих русских офицеров. Но в данном случае речь шла не о полководце, а о жестком дипломате.

Мы не располагаем какими-либо записями, где Муравьев высказывал свое отношение к императору французов, но гордость за победу в Отечественной войне звучит в письме к матери, когда речь идет о книге Ш. Нодье³⁴, «доказывающую, что Бонапарт свергнут не нами, но заговором, 15-ть лет в его армии продолжавшимся»³⁵. Желание обнаружить ошибки военного гения просматриваются в пометах на томах Жомини «Разсуждение о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона». Там, где речь идет о правилах осады во время наступательных действий и линия осады не должна быть слишком близкой к крепости, Муравьев замечает: «Бонапартъ въ 1796 году погрѣшилъ противъ сего правила, оставивъ австр[ийцев] въ Пьем[онте] и на Адигъ за то потер[ял] 130 пушекъ и всѣ осадн[ые] снаряды»³⁶. В другом месте, комментируя кампанию 1800 г., когда «полтора-ста тысяч человек пробираются по обеим сторонам Швейцарии», Муравьев пишет на полях: «Совсѣмъ не нужно было итти въ Италию всѣм[у]»³⁷. Это далеко не единственные примеры критики тактики Наполеона, но не восхищаться его отвагой, будучи боевым офицером, Муравьев не мог. Об этом говорит помета в истории Тацита в переводе Ф. Пospelова, где описывается вступление императора Гальбы в Рим в условиях вероятного бунта и, как формулирует переводчик, «при таковых обстоятельствах возвращаться мог не один кто-либо из благоприятствуемых счастьем, но всякий из отважнейших»³⁸. На что Муравьев замечает с восторгом, поскольку помета открывается восклицательным знаком: «Поспѣловъ предвидѣлъ возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы».

Чтение Муравьевым военной литературы, подбор немалого количества книг с разбором военных операций, пометы на картах говорят о нем как о профессиональном военном, который не переставал учиться уже будучи штабным офицером по квартирмейстерской части. Известно, что к 1824 г. он подготовил для офицеров Генерального штаба «Курс лекций по стратегии и тактике военного искусства»³⁹. Как показывают его пометы, во время

³² Для обоих это закончилось плачевно: король отрекся от престола, который занял Жозеф Бонапарт, а Фердинанд был пленен.

³³ Соповещания, состоявшіеся в Байонне в мае 1808 г. между Наполеоном I и уполномоченными короля Испании Фердинанда VII, в частности с государственным советником Хуаном Эскоикисом (фр.) // *Escoiquiz Juan. Exposé des motifs qui ont engagé en 1808, S.M.C. Ferdinand VII, à se rendre à Bayonne. Paris, 1816. С. 107–142.*

³⁴ *Nodier Charles. Histoire des sociétés secretes de l’armée et des Conspirations Militaires qui ont eu pour objet la Destruction du Gouvernement de Bonaparte. Paris, 1815.* На данный момент эта книга отсутствует в собрании Муравьевых, но представлена на полках библиотеки генерала А.П. Ермолова.

³⁵ Письмо из Праги от 29 апреля 1815 г. // Муравьев Н.М. Письма декабриста... С. 80.

³⁶ *Жомини Г.Н. Рассуждение о великих военных действиях, или критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона. СПб., 1809. Ч. 1. С. 192.*

³⁷ Там же. Ч. 2. СПб., 1809. С. 156.

³⁸ *Тацит П.К. История П. Корнелия Тацита. СПб., 1807. С. 14.*

³⁹ Рукопись Н.М. Муравьева «Курс высшей тактики и стратегии». Автограф и писарская копия с правкой автора [1819–1821 гг.]. 128 л. (ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 99).

подготовки использовалась не только военная литература, но и историческая, как, например, «История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей» (СПб., 1820). Именно с точки зрения военной тактики и вооружения читался им Ветхий Завет, где особо выделены эпизоды с подготовкой к войне Гедеона с мадианитянами (Суд. 7:3–8).

В собрании Муравьевых насчитывается 71 карта, среди которых как российские, так и европейские. Известно, что Никита Муравьев в составе польской армии принимал участие в заграничных походах 1813–1814 гг.: непосредственно участвовал в отдельных боевых столкновениях в Богемии и Саксонии, в «битве народов» под Лейпцигом. География его военных передвижений включала такие города, как Дрезден, Магдебург, Франкфурт, Веймар, Гамбург, Алтона, он объехал всю Голштинию и т.д. Соответственно, в собрании Муравьевых находим карты этих городов, многокрасочную карту Веймарского княжества и др. Любопытна карта Дрездена с пометами Муравьева боев 1813 г., подробности о которых теперь не так просто найти (пометы, к сожалению, угасают). К примеру, он подчеркивает сад графини Мошинской⁴⁰, в котором французы построили редут и который стал ареной сражения между ними и австрийцами. Его пометы интересны своими деталями, поскольку он сам участвовал в боях за этот город.

Среди карт особо выделяется двухметровый фрагмент так называемой «Столистой карты Российской империи». Подробные обозначения, выполненные Муравьевым, дают представление о начальном этапе русской историографии по Отечественной войне 1812 г., в котором участвовал сам Муравьев в качестве помощника Жомини. В 1816 г. Александр I задумался о написании истории только что завершившейся войны и обратился с этим предложением к Жомини как военному теоретику и историку. Приняв приглашение, он просит выделить ему в помощь двух образованных русских офицеров для подготовки материалов и получает их – Дмитрия Бутурлина и Никиту Муравьева, который на тот момент служил в Гвардейском генеральном штабе в чине подпоручика. Однако в скором времени задуманный проект был прерван, Жомини покинул Россию, а в 1823 г. в двух частях выходит труд Д.П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году». Сопоставление книги Бутурлина и помет Муравьева на карте указывает на любопытные расхождения⁴¹.

Обратив внимание на образованность Никиты Муравьева, нельзя не упомянуть о роли его отца – Михаила Никитича (1757–1807), поэта, первого попечителя Московского университета, учителя будущего императора Александра I и его брата, великого князя Константина Павловича. Занимаясь русской историей с августейшими внуками Екатерины II, он, конечно, успел привить и старшему сыну Никите представление о необходимости изучать историю и языки, в том числе классические – латынь и греческий. И уже взрослый Никита, возможно, размышляя над «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина и обращаясь к греческим источникам, которые использовал историк, вновь взялся за немецкое школьное издание Гомера на языке оригинала⁴². В тексте первых двух песен «Илиады» сохранились подписанные карандашом переводы отдельных слов: *θαρσῆσας* – «дерзай» (II, I 85); *ἄσταχ' ὕεσσι* – «клонить колосья» (II, II 148) и др. Знаком «NB» отмечены строки, где описано эмоциональное состояние Агамемнона в ответ на слова пророка Фесторида, что он должен вернуть Хрисеиду отцу (II, I 103–104).

Таких помет-переводов немало в книгах Геродота, ссылки на которого мы находим в его записке об «Истории» Карамзина⁴³. В этой связи любопытно, что привлекло его

⁴⁰ Дворец с прекрасным огромным садом был построен в 40-х гг. XVIII в. для незаконнорожденной дочери короля Августа Сильного и графини Констанции фон Козель.

⁴¹ Подробнее см.: *Ленчиненко М.В.* «Столистая карта» Никиты Муравьева: работа над историей войны 1812 года // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии. М., 2025 (в печати).

⁴² *Ὀμήρου ἔπη. Homeri et Homeridarum opera et reliquiae. Ex recensione Frid. Aug. Wolfii. Nova recensio multis locis emendatior. Vol. I [–II]. In usum scholarum Lipsiae, 1817.*

⁴³ Подробнее о книгах греческих историков: *Ленчиненко М.В., Любжун А.И.* Издания древнегреческих историков в семейной библиотеке Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIII: Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского., Сер. 23. СПб., 2019. Т. 2. С. 705–727.

внимание у Геродота в сюжете о подавлении восстания магов в Древнем Иране и последующей дискуссии о выборе формы правления: никаких пометок в рассуждениях Отана о народовластии, но подчеркивания в контраргументах Мегабиза о безрассудном народоправии и предпочтительном установлении власти олигархии. Больше всего помет в доказательствах Дария в пользу монархии⁴⁴.

Муравьев также обращается и к Диодору Сицилийскому, и к Полибию. На трудах последнего, как писал отец Никиты Муравьева, «поучаются знанию дел и гражданской мудрости»⁴⁵. Полибий предостерегал от охлократии, называя это «господством слепой черни, что является величайшим из зол». Именно так звучит это во французском переводе, и именно этот тезис выделил Никита Муравьев⁴⁶.

Он внимательно прочел шестую книгу «Всеобщей истории», где рассматриваются «круговращательная смена различных форм государства», социальные механизмы зарождения той или иной формы правления, развития и увядания, на что не мог не обратить внимания Муравьев, отметив в тексте: «Но все погибает, все подвержено изменениям. Нет нужды это доказывать. Необходимое сцепление естественных причин уже неоспоримое доказательство. Однако же любой вид правительства погибает двумя способами: один приходит извне, другой находится внутри»⁴⁷.

Тезис Полибия о гибели правительства Никита Муравьев развивает примерами из сочинений Диодора Сицилийского. Судя по маргиналиям, оставленным в «Исторической библиотеке», его беспокоили социальные катаклизмы, вызванные как внешними, так и внутренними причинами. На полях книг с 12-й по 14-ю он ведет счет кровавым жертвам и изгнанникам: «500 главнейших граждан изгнали»; «600 граждан изгнано»; «500 граждан убито остальные ушли». Этот же подсчет продолжается в книгах 19-й и 20-й, где описывается борьба сиракузского тирана Агафокла с господствующей партией олигархов: «600 сенаторов изгнано»; «4 000 дворян убиты»; «8 000 граждан изгнано из Сиракуз бритами Агафокла»; «Агафокл 10,000 граждан перебил»⁴⁸. То, что убитых при этом горожан Сиракуз он называет «дворянами», доказывает, насколько глубоко его волновала древняя история, как естественно она проецировалась им на современную ему действительность.

Не менее любопытно чтение Муравьевым Фукидида. Здесь интереснее даже не то, что он отметил, а то, что он обошел вниманием проявления внешней силовой политики Афин по отношению к другим полисам. А это несколько удивляет, потому что Муравьев как участник Заграничных походов 1813–1814 гг., имеющий боевой опыт, мог бы задуматься над внешней политикой Наполеона как политикой, говоря современным языком, глобалистской, сопоставив ее с политикой Афин, начавших претендовать на господство в греческом мире. Однако нет, его, как настоящего реформатора, интересует, что происходит с обществом изнутри, как оно изменяется во время войны, как меняется даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Никита Муравьев отметил также и метод, заявленный историком: «Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалеко от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими

⁴⁴ Ἡροδότου Ἀλικαρνασσοῦς Ἱστοριῶν λόγοι Θ', ἐπιγραφόμενοι Μοῦσαι. Textus Wesselingianus passim refictus argumentorumque ac temporum notation. Editionem Frid. Volg. Reizii morte interruptam continuavit God. Henr. Schäfer. Accedunt Index rerum historiae chronologia et glossae: necnon editionis Wesselingianae cum edit. Reizii et Schäferi collatio. – Oxonii, 1814. T. 1: Herodoti Halicarnassei Historiarum libri IX. Musarum nominibus inscripti; Latine, ex Laur. Vallae interpretatione. P. 215–216.

⁴⁵ Муравьев М.Н. Историки древности // Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1819. Т. 2. С. 20–21.

⁴⁶ Polybius. Histoire de Polybe, nouvellement traduite du grec par dom Vincent Thuillier, bénédictin de la Congrégation de Saint Maur. Avec un commentaire ou Un Corps de science militaire, enrichi de notes critiques et historiques, ou toutes les grandes parties de la guerre, soit pour l'Offensive, soit pour la Défensive, sont expliquées, démontrées, & représentées en Figures. Par M. de Folard. Amsterdam, 1774. Vol. 6. P. 36.

⁴⁷ Ibid. P. 57.

⁴⁸ Διοδώρου τοῦ Σικελιώτου Βιβλιοθήκης ἱστορικῆς βιβλία πεντε-καίδεκα, ἐκ τῶν τεσσαράκοντα: Diod. Siculi Bibliothecae historicae libri XV, de XL. Hanoviae, 1604. Vol. 2. P. 77, 189, 263, 655, 757, 802.

события, или историям, которые сочиняют логографы (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке»⁴⁹.

В библиотеке Муравьевых можно найти разнообразную юридическую литературу – как отечественную, так и зарубежную. Она представлена собраниями законодательных документов, а также аналитической литературой.

Известно, что для будущих декабристов Новгородская республика являлась важным аргументом для утверждения республиканских принципов на основании исторического опыта России. Отсюда интерес Муравьева к русским летописям. На форзаце «Русской летописи по Никонову списку...» (СПб., 1767–1792) он фактически законспектировал главу «Об источниках Российской истории до XVII века» из 1-го тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Напротив перечисленных списков летописи Нестора он отмечал наличие их в своей библиотеке: «имѣю». Пока их насчитывается шесть, и один из них – «Летописец Новгородский...» (М., 1781). В нем много подчеркиваний карандашом, которые вполне могут принадлежать Муравьеву, поскольку выделены фрагменты, интересовавшие его своей тематикой: бунт посадников, отношения новгородцев с князьями, княжеская власть, назначение архиепископов, народное вече и т.п. Но мы вынуждены оговариваться, поскольку нет записей, которые бы однозначно указывали на карандаш Муравьева. Бесспорно только наличие данного летописца в его библиотеке.

Однако Муравьева беспокоила опасность идеализации исторического прошлого. Работа над реформированием государственного устройства России заставляла его обращаться к западноевропейской юридической мысли. В сочинении голландского юриста И. Мейера о развитии судебных институтов Европы⁵⁰ он выделяет сноску, где указана работа И. Бентама, в которой говорится, что юриспруденция, основанная на законах и обычаях, принадлежащих исключительно прошлым векам, не может двигаться в ногу со временем, и что если она останется позади, то вероятно возможность подвергнуть себя риску увидеть варварские решения среди либеральных учреждений, суждения, которые напоминают невежество Средневековья, в то время как современное общество выше этих предрассудков. Муравьев, очевидно, прочитал эту статью, напечатанную в ноябрьском номере *Edinburgh review* за 1817 г., поскольку рядом пером приписал номер журнала – «29».

Исходя из рассуждений Бентама и соглашаясь с ними, Мейер дает соответствующую характеристику Петру I: «Le genie d'un monarque, sana modèle comme sans rival, parvint a retirer cette nation de l'oubli dans lequel elle se trouvait; il lui fit adopter, non des lois conformes a ses usages, mais des usages conformes aux lois qu'il donna...»⁵¹. Рядом Муравьев с восторгом записывает: «Quelle manière exacte d'envisager les choses! Le Génie d'un seul hom[m]e!»⁵². А немного ниже на полях, судя по всему, с иронией перечисляет имена русских императоров и императриц, которых Мейер, не называя их, считал достойными продолжателями дела Петра I: «Catherine I, Pierre II, Anna, Elisabeth, Pierre III, Paul I!!!»⁵³.

В этом списке нет и не могло быть Екатерины II. Законотворчество периода ее царствования внимательно изучалось Муравьевым. Он отметил многие пункты в экономической части «Наказа»⁵⁴ под названием «О рукоделии и торговле». Не обойден вниманием обряд выбора депутатов из дворян, а чтение раздела «Преступление в оскорблении Величества» вызвал спор с книгой «Сердце и законы Екатерины Великия...», где пересказывается пункт 480 Наказа: «Оскорбление Величества есть умысел противу жизни и безопасности Государя,

⁴⁹ *Thucydides*. Übersetzt von Maximilian Jacobi. Hamburg, 1804. Bd. 1. P. 21.

⁵⁰ *Meyer Jonas Daniel*. *Esprit, origines et progrès des institutions judiciaires des principaux pays de l'Europe*. Paris, 1818. Vol. 1. P. VIII.

⁵¹ *Ibid.* P. XLIX. Гений монарха, не имевший ни образца, ни соперника, сумел вывести эту нацию из забвения, в котором она оказалась; он заставил его принять не законы, соответствующие его обычаям, а обычаи, соответствующие законам, которые он дал... (фр.).

⁵² Какой точный взгляд на вещи! Гений одного человека! (фр.).

⁵³ *Ibid.* P. L.

⁵⁴ Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения. [М., 1767]. На форзаце владельческая надпись: «Наказъ Екатерины II. Комисіи о составленіи Законовъ. Изъ книгъ Никиты Муравьева. Москва Ноября 6-го 1817-го года».

измена против Государства. Умысел же есть, когда кто, пришед на место Народного Собрания, увещавает подданных к возмущению; потому что слова совокуплены с действием. Слова же одни никогда не вменяются в преступление». Помета на полях: «Въ Наказъ Екат[ерины] II не такъ сказано, смыслъ совершенно другой»⁵⁵. В самом Наказе Муравьев отчеркнул это место на с. 125: «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оныя приуготовляют, или соединяются, или последуют действию беззаконному...».

Городовое положение 1785 г. Екатерины II⁵⁶, с одной стороны, служит ему готовой моделью выстраивания судебной власти на местах. На полях книги он рисует схему заседания в Городской думе, подчеркивает многие позиции, касающиеся так называемого 3-го сословия: ведение торговли, обучение мастеровых, юридическая защита ремесленников, запись в рекруты и т.п. С другой – оставляет в тексте критические, доходящие иногда до сарказма замечания. Так, в продолжение названия статьи 144 «Мелочный торг посадским не запрещается» запись пером: «Какая милость!». В пункте 32 о выборе губернским городом заседателей в губернский магистрат и совестный суд, где говорится: «...выбираются <...> и представляются Правителю или Губернатору; и буде за ними нет явнаго порока, то Губернатор позволяет им заседание», оставлена помета: «Не губернатору судить о порокахъ выбранныхъ, а ихъ избирателямъ». В пункте 99 на внешнем поле отчеркнуто: «Записавшимся в гильдии подтверждается дозволение при рекрутском наборе или наряде работников, вместо наличнаго рекрута или работника платить, поскольку указом предписано (есть или будет), располагая деньги по числу душ, с которых набор или наряд в тот год назначен». Рядом помета на французском языке: «Il faud rait etendre cela surtout»⁵⁷.

Нам пришлось выбирать пометы Муравьева, рассыпанные по всему тексту как Городового положения, так и в других изданиях по юриспруденции екатерининского времени. Относительно реакции на законы Петра I можно заметить лишь, что в огромном томе его указов⁵⁸ он отметил в оглавлении 131 указ в диапазоне от «неделания дубовых гробов» до «о бытии шляхетству на смотре». В тексте отмеченных им указов помет нет.

Современное для Н.М. Муравьева законотворчество Александра I разбирается в том же ключе, что и Городовое положение Екатерины II: магистраты и ратуша, их состав; состав малых посадов, устройство гражданских судов⁵⁹. Особо выделены статьи заключения частных договоров: об условиях проявления свободы воли при заключении договоров согласия и о нравственном качестве свободы воли⁶⁰. При этом министерские уставы полиции, финансов остались без помет. Но Конституцию, данную полякам Александром I⁶¹, Никита Муравьев все-таки посмотрел на предмет состава сената (напротив статьи 109 «Le nombre des Sénateurs ne peut dépasser la moitié du nombre des Nonces et des Députés»⁶² он на полях записал: «Maximum 64»), посчитал количественный состав Палаты послов⁶³ и особо выделил статью 99, по которой проекты, вносимые по повелению царя, не могут изменяться иначе как государственным советом вследствие замечаний, представленных соответствующими комиссиями сейма⁶⁴.

⁵⁵ Екатерина II. Сердце и законы Екатерины Великия самодержицы всероссийской, почерпнутыя из ея изустных изречений, писаний и законодательства Михаилом Антоновским. СПб., 1804. С. 14.

⁵⁶ Городовое положение, с принадлежащими к оному узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. СПб., 1817.

⁵⁷ Более всего следовало бы распространить это (фр.).

⁵⁸ Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великаго самодержца всероссийскаго. Состоявшися с 1714, по кончину Его Императорскаго Величества, генваря по 28 число 1725 году. Печатаны третьим тиснением. СПб., 1777.

⁵⁹ Кукольник В.Г. Российское частное гражданское право. 2-м тиснением. СПб., 1816. Ч. 2. С. 22, 26–27, 29, 32, 36.

⁶⁰ Там же. Ч. 1. С. 277, 278.

⁶¹ Charte constitutionnelle et statuts organiques du royaume de Pologne. Ustawa konstytucyjna i statute organiczne królestwa Polskiego. Varsovie: de l'imprimerie rue Nowolipie № 646, 1816.

⁶² Ibid. P. 57. Число сенаторов не может превышать половины числа послов и депутатов (фр.). Заметим, что пометы делались в тексте на французском языке. Само издание было напечатано как билингва: на польском и французском.

⁶³ Charte constitutionnelle... P. 61.

⁶⁴ Ibid. P. 51.

Известно, как взбудоражила Польская конституция будущих декабристов. Но если мы обратимся к письмам Муравьева 1821 г., то можем встретить такую фразу: «...поляки; как их ни ласкают, все смотрят в лес»⁶⁵. Бывая в западных губерниях по долгу службы, он замечает в письмах к матери: «Мы с поляками не можем сойтись как вода с маслом»⁶⁶. И еще: «Большая часть молодых людей здешних носят орден Почетного легиона, который дал им Наполеон за то, что в 1812-м году они воевали противу нас, и сие весьма естественно придает холодность взаимному обращению»⁶⁷. Но при этом просит мать прислать ему польскую грамматику и словарь, рассказывает о первом уроке польского языка, взятом им вместе с князем Цициановым и Вальховским⁶⁸.

Национальный вопрос как таковой не поднимался в Конституции Муравьева. С разными формулировками, в разных ее редакциях видим исходную позицию: «Русскими признаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившиеся в России...»⁶⁹. Однако не видеть проблем в этом вопросе он не мог. Его желание не оговаривать национальных привилегий, не заигрывать с местной аристократией выдает в нем человека имперских взглядов. Характерна его помета, оставленная в указе Павла I «О восстановлении в Лифляндской и Эстляндской Губерниях присутственных мест» (28 ноября 1796 г.): «Несчастливая мысль!»⁷⁰. Как известно, в 1783 г. на Лифляндию была распространена реформа губернского управления, проведенная в остальной России в 1775 г. Сущность реформы состояла в усилении власти генерал-губернатора и ограничении автономии лифляндского дворянства. Указом 1786 г. была ликвидирована коллегия ландратов и отменена сама должность ландрата. В 1786 г. в Риге было введено Городовое положение. Магистрат был ликвидирован. Административная власть передавалась Общей думе, Шестигласной думе и городскому голове. В выборах принимали участие граждане, способные платить городской казне налог не менее 50 рублей в год. Национальная принадлежность теперь в расчет не принималась. Эта система управления существовала в Лифляндии до 1796 г., пока 28 ноября 1796 г. император Павел I не восстановил в губернии прежние порядки. В 1801 г. Лифляндская, Курляндская и Эстляндская губернии были объединены в одно генерал-губернаторство с центром в Риге (такой порядок сохранялся до 1876 г.).

Книги Муравьева дают возможность говорить о нем не только как о реформаторе. Его пометы демонстрируют своеобразный темперамент, каким обладал «беспокойный Никита», как описал его А.С. Пушкин в 10-й незаконченной главе «Евгения Онегина». С одной стороны, он дотошен и въедлив, что неудивительно для бывшего студента физико-математического отделения, каковым он числился в Московском университете в 1811 г. (в библиотеке немало книг по математике, физике). Он скрупулезно исправляет опечатки в книгах, вносит, как уже говорилось, исправления на картах, на книгах встречаются самые разные арифметические подсчеты. Но при этом его записи нередко эмоциональны: от ругани, когда дураком он называет Карамзина⁷¹ или автора «Деяний Петра Великого» Ивана Голикова⁷², до сентиментальных восклицаний на книге того же Карамзина. В его повести «Остров Борнгольм» он подчеркивает последнюю фразу («Вздохи теснили грудь мою – наконец я взглянул на небо, – и ветер свеял в море слезу мою») и следом дописывает: «Прекрасно вот истинное чувство! вот натура!»⁷³.

Мы уже упоминали о методе Фукидида, который Муравьев отметил для себя: строго излагать события, ничего не приукрашивая. А в книге Мабли о том, как писать историю⁷⁴,

⁶⁵ Муравьев Н.М. Письма декабриста... С. 141.

⁶⁶ Там же. С. 156.

⁶⁷ Там же. С. 155.

⁶⁸ Там же. С. 152, 153.

⁶⁹ Конституция Никиты Муравьева, сохранившаяся в бумагах С.П. Трубецкого. Ст. 14... С. 306.

⁷⁰ Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1775 по 1817 июнь месяц. СПб., 1818. С. 165–166.

⁷¹ Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина. Изд. 2-е. М., 1814. Т. 4: Письма русского путешественника. С. 167.

⁷² Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 3. С. XXIX.

⁷³ Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина... Т. 6. С. 264.

⁷⁴ Mably Gabriel Bonnot de. De la maniere d'ecrire l'Histoire. Paris, 1783. Заметим, что данный том принадлежал

он выделил большой фрагмент о Вольтере на с. 50, сделал в нем подчеркивание, предварив пометой «Правда!», а завершил почти аплодисментами: «*Bravo Mably!*»: «Telle est, pour vous le dire en passant, l'Histoire Universelle de Voltaire. J'étois très disposé à lui pardonner sa mauvaise politique, sa mauvaise morale, son ignorance & la hardiesse avec laquelle il tronque, défigure & altere la plupart des faits. Mais j'aurais au moins voulu trouver dans l'historien, un Poète qui eût assez de sens pour ne pas faire grimacer ses personnages, & qui rendît les passions avec le caractère qu'elles doivent avoir. J'aurais désiré un écrivain qui eût assez de goût savoir que l'Histoire ne doit jamais se permettre des bouffonneries, & qu'il est barbare & scandaleux de rire & de plaisanter des erreurs qui intéressent le bonheur des hommes»⁷⁵.

Работа с пометами, оставленными Никитой Муравьевым на книгах, делает наши представления о нем более полнокровными и живыми. Характер самого источника можно рассматривать как наиболее аутентичный личности автора записей, если только оставленные пометы заведомо не предназначались другому читателю⁷⁶. Любой другой автокоммуникативный источник – дневник, письма, мемуары как автобиографии – вольно или невольно предполагает стороннего читателя, что заставляет отступать от собственных сиюминутных реакций и примеривать на себя тот или иной образ. При чтении же книг читатель остается один на один с автором, и то, как он реагирует на прочитанное, не подразумевает наблюдателя. Эти записи заведомо предполагают откровенность мыслей, а еще более чувств.

Литература

Алехина Л.А. Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // ГБЛ. Записки Отдела рукописей. М.: Книга, 1990. Т. 49. С. 4–89.

Верещагина Е.И. Маргиналии и другие пометы декабриста Н.М. Муравьева на «Письмах русского путешественника» в девятитомном издании «Сочинений...» Карамзина 1814 года // Из коллекций редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 48–71.

Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Изд. Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 402 с.

Ленчиненко М.В. Libri theologici в библиотеке Муравьевых: к характеристике богословских интересов русского дворянства // Территория: журнал исторических исследований. 2025. Т. 1, № 2. С. 232–275.

Ленчиненко М.В. «Столистая карта» Никиты Муравьева: работа над историей войны 1812 года // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии. М., 2025 (в печати).

Ленчиненко М.В., Любжин А.И. Издания древнегреческих историков в семейной библиотеке Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология: XXIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. СПб.: ИЛИ РАН СПб, 2019. Сер. 23. Т. 2. С. 705–727.

Лесохина Э.И. В библиотеке декабриста Никиты Муравьева // Книга: Исследования и материалы. М., 1969. Сб. 18. С. 210–217.

в свое время вел. кн. Константину Павловичу, о чем говорят наклеенные на корешок характерные суперэкслибрисы, которые в свое время заказала внукам Екатерина II для их личных библиотек.

⁷⁵ Такова, между прочим, «Всемирная история» Вольтера. Я охотно простил бы ему скверную политику, дурную мораль, его невежество и вольность, с которой он кромсает, уродует и искажает большинство фактов, если бы мог найти в этом историке по крайней мере поэта, которому хватило ума не заставлять своих героев кривляться и который изображает страсти со свойственными им характерными чертами. Я хотел бы встретить писателя, которому хватило желания понять, что никогда история не должна позволять себе паясничать и что жестоко и постыдно смеяться и шутить над заблуждениями, которые близко касаются благоденствия людей (фр.).

⁷⁶ В семье Муравьевых были подобные случаи, о которых можно узнать из переписки Никиты с матерью Екатериной Федоровной. В 1818 г. она посылает ему в Москву итальянское издание жизнеописания Витторио Альфьери. В книге она подчеркнула отдельные строки, предназначенные для сына. К сожалению, в настоящее время среди книг, хранящихся в библиотеке МГУ, этого издания нет. См.: *Муравьев Н.М. Письма декабриста...* С. 120.

Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813–1826. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 310 с.

References

Alekhina, L.F. (1990). Arkhivnye materialy M.N. Murav'eva v fondakh otdela rukopisey [Archival Materials of M.N. Murav'ev in the Collections of the Manuscripts Department]. In *GBL. Zapiski Otdela rukopisey*. Moscow. Vol. 49, pp. 4–89.

Druzhinin, N.M. (1933). *Dekabrist Nikita Murav'ev* [Decembrist Nikita Murav'ev]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev. 402 p.

Lenchinenko, M.V. (2025). “Stolistovaya karta” Nikity Murav'eva: rabota nad istoriey voyny 1812 goda [Nikita Murav'ev's “Hundred-Sheet Map”: Working on History of the War of 1812]. In *Ezhegodnik Gosudarstvennogo arkhiva RF: publikatsii, issledovaniya, retsenzii*. Moscow. (In publ.).

Lenchinenko, M.V. (2025). Libri theologitsi v biblioteke Murav'evykh: k kharakteristike bogoslovskikh interesov russkogo dvoryanstva [Libri Theologici in the Murav'ev Library: Towards a Characterization of the Theological Interests of the Russian Nobility]. In *Territoriya: zhurnal istoricheskikh issledovaniy*. Vol. 1, No. 2, pp. 232–275.

Lenchinenko, M.V., Lyubzhin, A.I. (2019). Izdaniya drevnegrecheskikh istorikov v semeynoy biblioteke Murav'evykh [Works by Ancient Greek Historians in the Murav'ev Family Library]. In *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. XXIII Materialy chteniy, posvyashchennykh pamyati professora I.M. Tronskogo. Seriya 23*. St. Petersburg. Vol. 2, pp. 705–727.

Lesohina, E.I. (1969). V biblioteke dekabrista Nikity Murav'eva [In the Library of Decembrist Nikita Murav'ev]. In *Kniga: Issledovaniya i materialy. Sb. 18*. Moscow, pp. 210–217.

Murav'ev, N.M. (2001). *Pis'ma dekabrista. 1813–1826* [Letters of the Decembris. 1813–1826]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. 310 p.

Vereshchagina, E.I. (1981). Marginalii i drugie pomety dekabrista N.M. Murav'eva na “Pis'mah russkogo puteshestvennika” v devyatomnom izdanii “Sochineniy...” Karamzina 1814 goda [Marginalia and Other Notes by the Decembrist N.M. Murav'ev on the “Letters of a Russian Traveler” in the Nine-Volume Edition of Karamzin's “Works...” from 1814]. In *Iz kollektsiy redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki Moskovskogo universiteta*. Moscow, pp. 48–71.